

Сергей КИРЮТА

ГУМАНИЗАЦИЯ ЭТО РЕВОЛЮЦИЯ
ДУХА

Лекция

Запорожье, 1989 г.

Процветание государства и благосостояние народа находятся в прямой зависимости от уровня культуры данного общества. Эта зависимость известна с незапамятных пор. Уже в крепостнической России, несмотря на возражения Скотининых и Простаковых, громко прозвучали слова Карамзина: "Образованность народа есть сила государства". В XIX веке даже среди представителей правящего класса уже находилось мало таких, кто открыто оспаривал бы эту истину. После Великой Октябрьской социалистической революции власть в стране перешла к партии, одной из целей которой было гармоническое развитие личности, включающее в себя и высочайший уровень культуры. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС говорилось:

Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека.¹

Партия, поставившая своей целью воспитание гармонически развитого человека, на своем последнем съезде, казалось бы, не открыла ничего нового в этой области. Со времен Маркса и Энгельса вопрос о духовном мире человека всегда был в центре внимания коммунистов. Ленин, с присущей ему прозорливостью, лучше всех своих соратников понял архиважность этого вопроса.

Однако прошло много лет; "успешно и организованно", как и всё в ту пору, была проведена культурная революция, а мы снова и снова говорим о необходимости перемен в образовании, о духовном мире нашего современника и о необходимости его гуманизации. Гуманизировать — это значит приблизить к человеку, одухотворить. А что может служить лучшим инструментом для этого, чем красота художественного образа? Обратимся поэтому к одной из сторон культуры — эстетической, эмоциональной. Ведь недаром в новой редакции Программы партии со всей определенностью подчеркнута:

Эстетическое начало еще больше одухотворит труд, возвысит человека, украсит его быт.²

Так говорит партия. Однако, как видно, не всегда была так сильна заинтересованность в этом. Не всегда руководителям хотелось возвысить кого-то кроме себя, украсить еще чего-то быт, кроме своего собственного. И очень часто не имелось никаких сомнений в том, что труд по принуждению не нуждается в одухотворенности.

Давайте обратимся к современному положению вещей, не закрывая глаза на то, что никак не укладывается в прекрасные лозунги, известные нам вот уже восьмой десяток лет. Правда такова: сейчас у нас уровень образованности несопоставимо выше того, который был в дореволюционной России. Сейчас наша страна обладает самым большим в мире корпусом инженеров, врачей, учителей и даже почему-то писателей, композиторов и художников. Правда, мы уже начали сейчас говорить о появившемся синдроме функциональной безграмотности, но ведь фактическая безграмотность уже давно и полностью истреблена. Всё это нам хорошо известно, и всё это — наши успехи.

Но раз уж пришло время говорить и о наших неудачах, давайте посмотрим на дело с другой стороны. Многие ли из наших дипломированных и даже остепененных специалистов достигли культурного уровня дореволюционных интеллигентов — таких, как Ленин, Тимирязев, Чичерин? Конечно, имеется в виду не гениальная оригинальность названных великих людей, а именно уровень их духовной культуры. И еще одно: раз уж у нас так много писателей, композиторов и художников, можем ли мы похвастаться столь же большим количеством романов, симфоний и картин, по мастерству сопоставимых с романами Достоевского или Толстого, симфониями Чайковского или Рахманинова, полотнами Репина или Врубеля? Боюсь, что нет.

Зато чрезвычайно много продукции так называемой масскультуры: эстрадных песен, низкопробных книжонок, картин, кинофильмов. Наступила эпоха эстрады — как в музыке, так и в других видах искусств. О да, "искусство принадлежит народу". Но значит ли это, что искусство должно опускаться до культурного уровня народа, а не народ — подниматься до уровня истинного искусства? Уверен, что нет.

Никто не спорит с утверждением, что так называемый "легкий жанр" имеет право на существование. Эстрада всегда была и должна остаться одним из средств развлечения. Но когда она, проникнув во все виды искусств, стала чуть ли не единственным всенародным любимцем, таким баловнем публики, это уже тревожный симптом. Недавно журнал "Новый мир" опубликовал пронзительную по своей убийственной искренности статью "Кое-что об ошибках сердца", в которой искусствовед Е. Лебедев дал прекрасную дефиницию эстрадной культуре: если произведение создается с целью угодить вкусам публики, то оно является эстрадным произведением.

Истинное искусство никогда не служило для развлечения скучающей или утомленной работой публики. Для этого всегда были балаган, цирк или девочки на сцене кабаре. Если же Утесов, Великанова, Кобзон, Пугачева и другие пытаются уверить нас, что то, что они делают

- это не индустрия развлечения, а искусство, то только от нас самих зависит - верить им или нет. Эстрадная культура не только извращает вкус общества - она приучает его ко лжи. Е. Лебедев приводит немало примеров, из которых наиболее яркими были портреты певца с лоснящимися от жира щеками, поющего "бьют дождинки по щекам впалым", а также своеобразный гимн эстрады - "Арлекино", где эстрадное кривляние клоуна наполняется глубоким смыслом, недоступным тупой публике: "Я Гамлета в безумии страстей который раз играю для себя". Отметим: именно "для себя" - не для публики. Так эстрада заявила о своих претензиях на глубокое духовное содержание.

Потом пришли барды и рок-музыканты, которые чутко уловили фальшивые струны эстрады и заявили о своем разрыве с эстрадной культурой. Но - чем дальше, тем больше они вливаются именно в эту культуру, благодаря телевидению и радио. Они становятся как бы самостоятельными эстрадными жанрами, чем-то вроде многосерийных глубокомысленных "многовений весны" и "больших игр". И это повальное увлечение эстрадой привело нас в конце концов ко всеобщей эстетической и социальной глухоте, прекрасно проиллюстрированной строчками известных песен: "А нам всё равно!" и "Есть только миг - за него и держись!"

Прав искусствовед, у нас, к сожалению, вряд ли возможен концерт, подобный концерту оперной музыки на лондонском стотысячном стадионе "Уэмбли". И прав поэт Вадим Сикорский, пишущий:

Не исправилъ теперь, это было давно.

Государственных буден грехи...

Хороши оперетта, смешное кино...

Прочь симфонии, драмы, стихи!

Причем мы не берем сейчас рабочих и колхозников, не берем даже студентов - возьмем тех, которых по количеству у нас больше, чем в любой другой стране. Возьмем - и останемся ни с чем: несмотря на такие количества, все-таки на стотысячный стадион вряд ли наберется даже в многомиллионной Москве, не говоря уж о провинции.

Какова же эта наша интеллигенция, в каких областях лежат ее культурные интересы? В музыке - что-нибудь эстрадное, в живописи - что-нибудь похожее на раскрашенную фотографию, в литературе - что-нибудь дефицитное, но обязательно захватывающее или душещипательное. Одним словом, интеллигент сейчас редко понимает истинное искусство, не говорит на иностранных языках, не обижается, когда его именуют не интеллигентом, а служащим.

И это неудивительно, ибо такова была на протяжении десятилетий целенаправленная политика правительства. Уже перед войной

слово "интеллигент" стало ассоциироваться с "троцкистскими" или "бухаринскими отщепенцами", а позже - с "космополитами", и совсем недавно - с "диссидентами". В угоду партийной верхушке изменилась сама суть интеллигенции:

Беда интеллигенции состояла не в том, что у нее отняли кусок хлеба и краски, а в том, что извратилось самоё ее понятие, выколачивалось самое главное, то, что составляло ее суть: свободомыслие, независимость от господствующей власти, приобщенность к мировой культуре, культурный и духовный интернационализм, неприверженность догматическому мышлению, -

пишет В.Костиков⁷. Началось это с той поры, когда самое интеллигентное в мире правительство Ленина постепенно становилось всё менее и менее интеллигентным. Появились разнарядки на прием в партию, и в нее массой шли полуграмотные рабочие, а интеллигентов принимали лишь за заслуги перед администрацией.

Хрущев и Брежнев пренебрегали интеллигенцией не в меньшей мере, делая, однако, исключение для "технарей", поскольку без них экономика могла развалиться еще быстрее. Но в печально известных разнарядках интеллигенты все еще находились в положении дискриминируемых. Да и сами интеллигенты менялись. Многие из них, хорошо усвоив уроки сталинского периода, намеренно стремились вытравить в себе всё то, что присуще интеллигенту, или, по крайней мере, не старались внешне проявлять свою интеллигентность. И, конечно же, преуспели в карьере.

Однако такое отношение к тем, кого нарекли "прослойкой", не могло не сказаться на общей атмосфере в обществе. Великолепные фильмы Андрея Тарковского, стихи Андрея Вознесенского, музыка Дмитрия Шостаковича всё чаще относились к разряду "элитарных" произведений, и само это слово приобрело негативный привкус и стало походить на донос. "Элитарными" же эти произведения назывались только потому, что они были созданы на уровне, превышающем уровень массы. Но в таком случае зачем же называть их "заумью" - не проще ли достигнутый всеми нами культурный уровень назвать "недоумь"?

Разгоревшийся было в шестидесятых годах спор "физиков и лириков" был без шума сведен на нет. Победу не присудили никому, заявили о равной нужде общества и в тех, и в других. Но в действительности "лирики" потерпели сокрушительное поражение, и в годы застоя буйным цветом расцвел технократизм. Брежневские идеологи негласно - как и всё в ту пору - были на стороне "технарей", поскольку видели в них меньшее зло по сравнению с рассуждающими "лириками".

На запальчивое восклицание "Лириков": "Вы производите, чтобы творили мы!" - "Физики" веско ответили: "Мы производим, чтобы самим жить, а вы нам не нужны!" Вот так и пошло: мы стали производить, чтобы жить, и жить, чтобы производить. Число стало побеждать Слово. Да и не могло быть иначе, если в обществе искусство было чем-то вроде хорошей сигареты после сытного обеда, когда обыватель, поковырявшись в зубах, разваливается в кресле и вдыхает ее ароматный дым. Что могут сказать об искусстве выпускники нашей школы, если искусством в ней и не пахло? Что могут они сказать после уроков литературы, похожих на полухудожественную иллюстрацию к печально известному "Краткому курсу ВКЦ/б/"?

Да и сама школа и фигура учителя в ней - создавали ли они предпосылки для развития духовных потребностей более высокого уровня, чем уровень "искусства послеобеда"? Думается, что чаще всего - нет! Искусство высокой степени одухотворенности всегда делает людей свободными, инициативными, любознательными и неординарными. Педагоги же чаще всего стремились к прямо противоположному эффекту, как об этом хорошо сказал Председатель Госкомитета по народному образованию СССР Г.А.Ягодкин:

Они тратят огромную часть своих усилий на то, чтобы вырастить так называемого "нормального ребенка", погасить его любознательность, живость, нестандартность. По сути дела - это направленный социальный отбор наиболее послушных, удобных, управляемых людей. А значит - подавление творчества, инициативы, смелости мысли и поступков.⁵

От себя бы еще добавил, что той же схемы и тех же целей придерживались и в вузах, и на производстве, и в учреждениях. Совершенно очевидно, что при таком социальном отборе нет места искусству. Вот и идет такой "нормальный ребенок" в институт, где из него всеми силами стараются сделать "нормального студента", а потом идет дальше в жизнь, где из него всеми силами стараются сделать "нормального работника".

И он в меру хорошо работает, не прекословит начальству, а после скучного нетворческого труда развлекается тем, что ему подсовывают в виде искусства, если, конечно, он не предпочитает водку или наркотики. Вот и слушает наш "нормальный работник" какое-нибудь "а нам всё равно" или смотрит фильм с красивой картинкой с видом на Индийский океан, куда, как наш "нормальный работник" прекрасно знает, он никогда не сможет съездить. Вот и читает он про какую-нибудь Анжелику или про гениального Исаева-Штирлица. Вот и всё.

Неужели же прав по отношению к нашему времени русский философ П.Я.Чаадаев, который писал о своем времени:

Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей жизни.⁶

Так что же, нет у нас сейчас истинного искусства? Расстреляно подчистую, замордовано в лагерях ГУЛАГа? Нет, к нашему огромному счастью, такое искусство есть. Есть целый мир духовной культуры всех времен и народов, есть гениальные творения, созданные у нас и за рубежом тысячу лет назад, сто лет назад, год назад. Есть творения, созданные не для того, чтобы помогать пищеварению обывателя, а для того, чтобы ослеплять светом истины, воспитывать чувства, направлять мысль всех народов планеты, живущих сейчас и через сотни лет. Вот, например, что пишет Осип Мандельштам о поэзии Велимира Хлебникова:

Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе — железнодорожный мост или "Слово о полку Игореве". Поэзия Хлебникова идиотична — в подлинном, греческом, неоскорбительном значении этого слова. Современники не могли и не могут простить ему отсутствия у него всякого намека на эффект своей эпохи.⁷

Но если есть такие художники, если они существовали и существуют — почему же они или неизвестны, или непонятны большинству? И это большинство при молчаливом покровительстве "верхов" с негодованием отвергает и Тарковского, и балет, и Хлебникова — и удовлетворяется Гайдаем, Кобзоном и Алексеевым. Но, к счастью, как в науке, так и в искусстве, большинство ничего не решает.

Я думаю: право ли большинство?

Право ли наводнение во Флоренции,
круша палаццо, как орехи грецкие?

Но победит Чело, а не Число.⁸

Так говорил Вознесенский. Демократию и власть большинства не раз использовали так, как их нельзя использовать — то есть для удушения талантливых одиночек силою коллектива. Вот и у нас создалась ситуация, когда сбылось опасение Ленина, который высказался однажды о творчестве Д.Бедного в том смысле, что он идет ЗА народом, а надо быть всегда ВПЕРЕДИ. В статье "О чистке в партии" Ленин прямо предупреждает:

Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда настроениям насколько не передовым.

Что же сделали мы за 71 год, чтобы помочь каждому подняться на ту духовную и культурную высоту, которая и была, и остается достоянием единиц? Мы сделали только то, чего достигли:

- мы достигли того, что интеллигенция лишилась своих стержневых характеристик и превратилась в прослойку служащих-услуживающих;
- мы достигли триумфальной победы эстрадной культуры, распространения ее вглубь и вширь, совершившегося за счет вымывания неразвлекательных искусств из повседневной жизни общества;
- мы достигли кризисного положения в школе и вузе, где одни служащие воспитывают других служащих, таких же нормальных и удобных в управлении;
- мы достигли всеобщего технократизма среди специалистов и даже среди других групп общества, которое все больше становится обществом потребителей;
- и, как результат всего этого, началась деградация целого общества. Разрушались семьи, ибо Пушкин и Бунин перестали воспитывать способность любить. Росла преступность, ибо Достоевский и Толстой перестали тревожить совесть. Технократия создала удобную модель своеобразного спортивного общества, где духовная жизнь подменялась эстрадой, где всё превращалось в спорт: труд стал спортом карьеры, любовь стала спортом секса, дружба стала спортом выгодных знакомств, быт стал спортом накопительства.

Революции назревают, они становятся возможными в результате сложившихся революционных ситуаций. Но та революция, о которой мы с вами сейчас говорим, назрела уже давно. И революционная ситуация тянется долго, даже слишком долго. Я говорю о революции духа. Если она не произойдет, последствия могут быть катастрофичны.

II.

Как известно, революционное движение в Российской империи имело ряд особенностей, резко отличающих его от движения в странах Запада. В частности, пролетариат Германии, Франции, США и особенно Англии, как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, уже имел опыт сознательной борьбы за свои права. Молодой российский пролетариат такого опыта не имел, в нем еще слишком крепки были его крестьянские корни. Сознание огромного большинства народа, его общий культурный и нравственный уровень были отсталыми в сравнении с европейскими нациями. В социальном плане народы России совершенно не были адаптированы к условиям демократического общества и его основным завоеваниям: межпартийной борьбе, свободе совести, слова, печати, собраний. В плане нравственном ощущался острый дефицит культуры, о чем писал наркому просвещения А.В.Луначарскому великий русский писатель и общественный деятель В.Г.Короленко:

По натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в воспитании нравственной культуры. У него нет того самоуважения, которое заставляет воздерживаться от известных поступков, даже когда этого никто не узнает.⁹

Далее, говоря о коммунизме и о социалистической революции, которая, по его мнению, произошла раньше, чем того требовала история, Короленко отмечает, что для такого социального переворота, кроме экономических и политических предпосылок, необходимо также и наличие других нравов в народе. Без революции духовной социальная революция может привести к террору, классовой мести и общей деградации общества.

Можно понять престарелого мастера, который всю свою жизнь отдал защите народа, борьбе за униженных и преследуемых. В первые годы Советской власти он наблюдал и бессмысленные казни, и беззаконие и неоправданную жестокость. Можно соглашаться или не соглашаться с его точкой зрения, но трудно отказать ему в известной прозорливости.

А еще до революции другой титан русской и мировой культуры, Л.Н.Толстой, прямо говорил о том, что без нравственного переворота социальные изменения невозможны. В этом он серьезно расходился с марксистами, за что и был окрещен В.И.Лениным как "помещик, юрод-

ствующий во Христе". Этого требовала концепция "двух культур", принятая марксизмом. И лишь после революции становятся известными взгляды великого писателя, высказанные в его "Круге чтения":

Существуют два рода социализма. Оба они преследуют наибольшее благосостояние всех. Один стремится достигнуть всеобщего счастья; другой — дать возможность всякому быть счастливым по своему. Один признает власть государства; другой не признает никакой власти: Один требует монополии для государства; другой желает уничтожения всех монополий. Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов. Один верит в социальную войну; другой верит только в дело мира.¹⁰

Совершенно очевидно, что Толстому близок именно тот социализм, который обладает всеми чертами коммунистического общества. И лишь для достижения этого идеала великий писатель предлагает другой путь, путь нравственного самосовершенствования. В.И. Ленин, конечно же, никогда не был сторонником этого пути, однако к концу жизни у него намечился отход от концепции "двух культур", как об этом свидетельствует толстовед Б. Сушков в своей статье "В поисках "зеленой палочки". Известно такое ленинское утверждение, как

Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.¹¹

С точки зрения Короленко, Толстого и многих других, любая насильственная революция имеет только внешние цели, и поэтому она не является коренным переворотом жизни человека. Толстой защищал свою, альтернативную революцию — революцию духа. Мы можем сомневаться в справедливости точки зрения Толстого на социальную революцию, но в его мечте о революции духовной заключена глубокая правда, которая была, наконец, выстрадана и нами. Даже такой непохожий на Толстого художник, как В. Маяковский утверждал, что "встает из времен третья революция — революция духа".

Но произошла социальная революция, и Ленин говорит, что теперь надо "учиться, учиться, учиться". А уж тут никак не обойтись без интеллигенции. Само слово "интеллигент" производится от латинского слова "разум", следовательно, подчеркнута, что именно эти люди имеют непосредственное отношение к тому, чем человек отличается от животного или растения. Естественно поэтому ожидать, что эти люди должны почитаться в обществе. Однако, как свидетельствует В. Тенд-

ряков в своих воспоминаниях, все годы существования Советской власти к интеллигентам относились настороженно, а то и враждебно. Обыватель нутром чувствует, что эти люди имеют идеи и взгляды, непохожие на привычные для него самого. Государственные руководители тоже видели видели в них нечто, осложняющее деятельность и вечно носящее в себе элемент сомнения. Тендряков пишет:

~~Ленин не особенно жаловал интеллигенцию...~~ Однако в конце жизни он часто с горечью говорил, как ему не хватает истинных интеллигентов-единомышленников. Сталин прислужничество /в т.ч. и интеллигенции - С.К./ сделал основой существования нового государства. Наиболее характерной фигурой в обществе стал некий службистский Янус с лицом диктатора в одну сторону и лакея в другую. ¹²

Как уже говорилось, при Сталине из правительства исчезли интеллигенты, партия состояла в основном из службистов, военных и рабочих, которые еще вчера были малограмотными крестьянами. И вот именно это руководство стало одно за другим выпускать постановления, регулирующие деятельность художественных кругов страны.

Детей в школах, студентов в институтах воспитывали на каких угодно примерах, только не на примерах выдающихся мастеров культуры. Печально известный Павлик Морозов и иже с ним были объявлены святыми новой религии. Искусство либо изгонялось из страны, либо загонялось в подполье.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу, ¹³

говорит Пушкин. И это, действительно, была беда всей страны. Был, правда, "приближенный к престолу" честнейший и гуманнейший человек - Максим Горький. Но все его усилия, направленные на то, чтобы приостановить разрушение духовной основы общества были тщетны, поскольку и сам он вольно или невольно приложил руку к созданию новой религии.

Истоки этой религии, названной позже соцреализмом, были в богостроительстве Богданова, Луначарского, Базарова и Горького, основанном отнюдь не на марксизме, а на позитивизме Маха и эмпириокритицизме Авенариуса. Возмущенный Ленин говорил, что во всем этом нет "ни грана марксизма". Как же случилось, что мы шестьдесят лет называли себя марксистами, а руководствовались в философии самым махровым субъективным идеализмом? Полагаю, что точно так же, как

в экономике мы руководствовались не Марксом, а Дюрингом, как в политике — не Лениным, а сталинизированным Троцким. В статье "На руинах позитивной эстетики" А.Гангнус детально анализирует сопреализм и позитивную эстетику А.Луначарского, из которой и выросла новая религия. Он приводит ряд цитат из работы А.Луначарского о позитивной эстетике, например:

Прогрессивная эволюция ведет к укреплению жизни в природе, и венец такой эволюции мы видим в человеке... Эстетика оказывается одной из отраслей биологии как науки о жизни вообще.¹⁴

В.И.Ленин, до предела загруженный партийной работой, отложил все дела для того, чтобы дать достойный отпор попыткам богостроителей извратить марксизм, в том числе и биологизаторским ухищрениям Луначарского. Он написал книгу "Материализм и эмпириокритицизм", в которой идеи Богданова, Горького, Базарова и Луначарского назвал "сплошной издевкой над марксизмом". Идеал в обычной религии в над нами. В новой религии он — впереди, в отдаленном и смутном будущем. Луначарский, например, пишет:

Самый страстный поклонник счастья "дальнего"... а также самый прогрессивный класс общества должны вступить в борьбу с... другими людьми и классами, в этой борьбе они должны быть тверды и жестоки, они должны... вести человечество своей дорогой во что бы то ни стало, потому что они не могут не считать своей дорогой ту, которая с их точки зрения является наиболее близким путем к идеалу.

/Разрядка моя — С.К./

Г.В.Плеханов и В.И.Ленин разгромили богостроителей, но уже в 1923 году Луначарский переиздает свою книгу и под этими строчками делает примечание: "В силу этих мыслей я и оказался большевиком теперь". Другими словами, так Луначарский понимал большевизм, совершенно не отрекаясь от своих бывших ошибочных и осужденных Лениным воззрений. А.Гангнус приводит также письмо М.Горького в издательство "Знание" по поводу невозможности издания там книги В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм":

Издай "Знание" эту книгу, он скажет: дурачки, — и этими дурачками будут Богданов, я, Базаров, Луначарский.

Но вот ушел из жизни Ильич, и уже через десяток лет идеи богостроителей воплотились в теории сопреализма. В докладе, заложившем основы этой теории, Луначарский /теперь уже нарком/ пишет:

...правда - она не похожа на себя самоё, она не сидит на месте, правда летит... и нужно ее видеть именно так, а кто не видит ее так - тот реалист буржуазный... и во всяком случае вольный или невольный контрреволюционер и вредитель. Он, может быть, будет делать полезное дело, высказывая печальную правду, но... с точки зрения социалистического реализма это не правда - это ирреальность.

Сопреализм в эстетике и в обществе вообще породил такое отвратительное явление в науке, как лысенковщина. Дорвавшийся до власти субъективный идеализм нанес обществу страшный ущерб. Представляя человека всегда в виде борца-воителя, он вменял ему в обязанность бороться сначала с враждебными классами, потом с интеллектуалами-декадентами, врагами народа, а когда с ними будет покончено - тогда с природой. Недаром Луначарский утверждал, что социализм - это организованная борьба человечества с природой вплоть до ее полного подчинения. Горький с ним совершенно согласен:

Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого - непрерывное развитие индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы.

Левые марксисты, всегда окружавшие Ленина, после его смерти воплотили в жизнь то, против чего он боролся. Богостроительские идеи стали новой религией, и называющие себя атеистами леваки стали усиленно бороться со старыми религиями точно так же, как христиане боролись с язычниками, мусульмане - с христианами, иудаисты - с мусульманами. С маковок посыпались кресты, а сами храмы взлетали на воздух. Еще Д.Мережковский высмеивал такой богостроительский атеизм, говоря, что сознательное христианство - это религия Бога, который стал человеком, тогда как сознательное "босячество", как он называл лжемарксизм, - это религия человека, который хочет стать Богом, но это невозможно хотя бы уже потому, что марксисты говорят: Бога нет, Бог - ничто. Значит, утверждение "человек есть Бог" на самом деле оборачивается "человек есть ничто".

К сожалению, слова Мережковского были слишком страшно подтверждены во времена сталинских репрессий, когда человек, захотевший стать Богом, действительно становился ничем. Так ошибки сердца стали ошибками власти, управляющей огромным государством. Катастрофический вред таких ошибок отмечен еще Ф.Достоевским в его "Дневнике писателя":

Ошибки сердца есть вещь страшно важная: это есть

уже заражённый дух иногда даже во всей нации, несущий с собою весьма часто такую степень слепоты, которая не излечивается даже ни перед какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу, напротив, перерабатывающая эти факты на свой лад, ассимилирующая их с своим зараженным духом.

Таким образом, мы пришли к исходному пункту - к возвращению в духовность, в прекрасный реальный мир, в прекрасного реального человека. Не человека-Бога, но и не человека-ничто - в такого человека, каков он есть. И недаром Максим Горький, один из создателей соцреализма, свою последнюю гениальную работу - "Жизнь Клима Самгина" - писал, не сообразуясь ни с какими принципами соцреализма. Да и вообще, будучи человеком огромной совести, он видел, что происходило на его глазах и поэтому не создал ни единого произведения, изображающего послереволюционный период перекройки общества. Как великий художник, он не мог не чувствовать фальшь, и потому утверждал в своей последней книге, что

Необходимо вернуть человека к самому себе, к источнику глубоких чувств, великих вдохновений.¹⁵

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

III.

Революционные изменения в обществе, начавшиеся весной 1985 г. и получившие широкую поддержку народа и особенно интеллигенции, не могли не коснуться духовной сферы. Впервые после смерти Ленина появилась возможность серьезного анализа исторического пути, пройденного страной за эти годы, и, естественно, переоценки многих ценностей на проверку оказавшихся ложными. Мощный импульс получила перестройка на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Не последнее место на конференции занимали вопросы развития культуры и образования в свете новых тенденций развития всего общества. В резолюции конференции сказано:

Революционная перестройка невозможна без всемерной активизации интеллектуального потенциала общества, ... без современного уровня всей системы образования и роста общей и политической культуры народа.¹⁶

В своих выступлениях делегаты конференции справедливо указывали на то, о чем только что шла речь — на извращение ленинских принципов в духовной сфере, приведшее к печальным последствиям. Впервые со столь высокой партийной трибуны прозвучал призыв к глубокому пересмотру концепций, которые привели нас, по сути дела, в тупик. В докладе М.С. Горбачева прямо говорится:

Если говорить о главном направлении политики партии в области науки, образования и культуры, в период перестройки, то оно видится как **в о з в р а т** к ленинским принципам, **п о в о р о т** к человеку, к духовному обогащению народа.¹⁷

/Разрядка моя — С.К./

В том, что радикальная перестройка стала уже фактом, есть немалая заслуга и интеллигенции, вернее, той ее здоровой части, которая никогда не боялась говорить правду партии и народу. Поэтому учительство и особенно творческие работники с таким воодушевлением восприняли курс на перестройку в области образования и культуры.

Однако появились и прямо противоположные тенденции. Технократическое мышление некоторых чиновников, по ошибке нацепивших на себя преподавательские мантии, толкает их к высказыванию воззрений, не имеющих ничего общего с интересами общества. Уже раздавались призывы к сокращению гуманитарных и общественных дисциплин в школах и вузах, продиктованные либо "заботой" о перегруженных школьниках и

студентах, либо наукообразными выводами технократического характера. Но ведь советская школа всех ступеней отнюдь не должна быть своеобразным придатком экономического комплекса страны, в ее задачи не входит "штамповка" специалистов всех квалификаций и профессий подобная штамповке деталей для огромного механизма. Здесь технократы не идут дальше биологизаторов человеческой культуры образца первой трети нашего века. Только тогда духовную деятельность человека пытались свести к чему-то вроде экспансии биологического вида, направленной на природу, а сейчас ее пытаются превратить в некий чудовищный бездушный производственный процесс.

Вспоминается старый анекдот, в котором народное образование сравнивается с деревообрабатывающей промышленностью, получающей дуб и выпускающей липу. Неужто нас опять заставят заниматься не тем, чем мы должны заниматься? Неужто нас превратят из чиновников в слесари-инструментальщики, выпускающие новые колесики и винтики для государственного механизма? К счастью, на Всесоюзном съезде работников народного образования поддержку получил противоположный призыв — не к сокращению, а к изменению содержания гуманитарных дисциплин, к изменению их структуры, форм и методов преподавания. Правда, вызывает удивление тот факт, что сам съезд был мало конструктивен, и самой живой и интересной была речь Председателя госкомитета по народному образованию Г.А.Ягодина, а не педагогов-практиков. Однако, как известно, зачастую учительство является самой консервативной частью общества.

Поскольку наша революция происходит "сверху", необычайно важно, что среди политиков, обладающих реальной властью, нашлись дальновидные люди, которые поняли значение преимущественного развития эмоциональной культуры по отношению к культуре рациональной. Они поняли, что духовная революция необходима и что успех перестройки без кардинальных изменений в области культуры и образования абсолютно невозможен. Но понять мало — надо убедить ~~выслушать~~ неверующих, надо мобилизовать поддерживающих, надо создать условия для духовной революции и ни в коем случае не вводить ее директивно, планировать ее и подчинять циркулярам из центра, как бы хороши они ни были.

В выступлении Г.А.Ягодина на XIX Всесоюзной конференции КПСС есть слова, вселяющие в нас надежду:

Надо изменить отношение к эмоциональной культуре. Ведь счастье человека в очень малой степени зависит от того, как он умеет извлекать квадратный корень. Счастье человека в жизни от того, как он ее чувствует, воспринимает жизнь. 18

Здесь вспоминается замечательное сатирическое стихотворение В. Маяковского "Гимн ученому", которое полезно было бы повесить в кабинете каждого ученого, на каждой кафедре. Маяковский говорит там о бездушном человеке, который спокойно относится к бездуховности подрастающего поколения:

Проходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.¹⁹

На Всесоюзном съезде работников народного образования идея революционных изменений в духовной области получила поддержку. Было подчеркнуто, что новое качество образования может быть обеспечено его гуманизацией. И это не удивительно, потому что в эпоху научно-технической революции не следует забывать о том, что НТР происходит не сама по себе и не сама для себя. Человек, который ест, чтобы жить, и живет, чтобы есть, мало чем отличается от животного. И здесь уже не важно, что поставить на место слова "есть". Можно, например, сказать так: производить, чтобы потреблять, и потреблять, чтобы производить. Этаким порочный круг, в котором нет места духовной культуре.

Но ведь не зря один из выдающихся ученых нашей страны академик Д.С.Лихачев говорил в интервью Центральному телевидению, что его собственный исторический оптимизм связан с надеждой на то, что будущий век будет веком гуманитарным. Престарелый академик, интеллигент до мозга костей, переживший Соловки, вряд ли будет жить в этом гуманитарном веке. Но он не только надеется, он активно действует в том направлении, в котором ему светит этот свет надежды. И это является прекрасным примером для всех нас.

Испокон веков повелось так, что были люди, склонные к рациональной культуре, и были люди, склонные к культуре эмоциональной.

Одного пленяет сократовская радость познания...
другого обольщает веющий перед его очами пленительный покров красоты,²⁰ -

писал в конце прошлого века Фридрих Ницше. Слово и Число всегда вели нескончаемый бой за души людей. Были времена, когда побеждало то Слово, то Число. Были времена, когда они гармонически сочетались. Но они действительно очень непохожи друг на друга. Артур Шопенгауэр даже противопоставлял музыку как непосредственное отражение мировой воли - интеллекту, способному лишь на поверхностное отражение. Он считал, что на языке музыки, которому чужд разум, выражается глубочайшая мудрость. А вот В.Г.Белинский утверждал, что такое противопоставление безосновательно:

Только в гармонии ума и чувства заключается высо-

чайшее совершенство человека. ²¹

В самом деле, разве можно себе представить цивилизацию без Числа, без того, что ей дали научно-техническая мысль, творчество выдающихся ученых и рядовых инженеров? Марксизм указывает на определяющее значение базиса в развитии общества. А ведь научно-техническая мысль, без сомнения, является одной из важнейших производительных сил. Чтобы писать стихи, поэт должен иметь пищу, одежду, стол, бумагу и ручку. Но ведь всё это — плоды экономического базиса. А никакая экономика, кроме, разве что, первобытной, не может существовать без науки и техники. Следовательно, цивилизация без Числа — сущий бред.

Однако, если нельзя себе представить цивилизованный мир без Числа, то точно так же нельзя его представить и без Слова, ради которого, собственно, и существует Число. Энгельс подчеркивал:

...литературное и художественное развитие основано на экономическом развитии, но и оно оказывает влияние на экономический базис. Следовательно, экономический базис не оказывает своего воздействия автоматически. Люди сами делают свою историю. ²²

Воспитание новых поколений немислимо без того, что мы назвали Словом. Как бы прекрасно ни было поставлено образование на всех ступенях, подготовка нового бездушного и бездуховного поколения неминуемо приведет к катастрофе, как уже привела к глубокому кризису

Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь. ²³ -

говорил Ф. Достоевский. Как уже говорилось, у нас в стране появилось некое эстрадно-спортивное поколение технократов. И одни только лозунги перестройки не перевоспитают это поколение. Оно как считало карьеру единственно возможной работой, так и будет считать. Оно как считало низкопробные песенки искусством, так и будет считать. Оно как считало выгодные знакомства дружбой, так и будет считать.

Здесь могут помочь только истинное искусство и гуманизированная система образования. Когда мы добьемся, что человек вместо оперетты пойдет на фильм Федерико Феллини, мы будем вправе ожидать от него и другого. А именно, что он станет творчески подходить к своему труду, что он будет способен на крепкую искреннюю дружбу, что он сможет без рвачества сделать свой быт красивым, и наконец, что его посетит счастье настоящей одухотворенной нежности и любви. В этой связи хотелось бы еще раз процитировать Г.А. Ягодина:

Именно гуманитарное знание дает возможность преодолеть технократическое и узкопрофессиональное мышление, воспитывает духовно богатую личность, ориентированную на общественные ценности, обладающую развитым чувством политической и нравственной ответственности.²⁴

Однако совершенно очевидно, что для достижения этих целей нужно прежде всего воспитать воспитателя - учителя, преподавателя вуза или техникума. Если он не станет истинным интеллигентом и останется услужающим служащим, то своих целей нам никак не достичь. И тут ответственность падает прежде всего на плечи администрации учебных заведений. Если они хотят, чтобы советская школа стала храмом науки, они должны направить свои усилия прежде всего на то, чтобы поощрить становление будущих интеллигентов из служащих сегодняшнего дня.

Ведь учитель, где бы он ни преподавал, является поистине центральной фигурой перестройки, и судьба нашей революции во многом зависит именно от него. О том, что такое интеллигент в социальном смысле, уже говорилось ранее. В профессиональном же смысле это человек, обладающий глубокой эрудицией, разносторонними интересами, высокой культурой, жаждой знаний и неистребимым стремлением к творчеству.

Выступавшая на XIX Всесоюзной конференции КПСС учительница С.А.Федотова дала, на мой взгляд, эмоциональную, но очень точную характеристику центральной фигуры перестройки:

Звание "учитель" - это причастность к великому, страстность пропагандиста, окрыленность поэта, интеллект исследователя, энергия ума и при этом обнаженность духовных и душевных движений.²⁵

Хочется, чтобы все коллеги С.А.Федотовой в советских школах, училищах, техникумах и вузах всегда помнили эти ее слова.

СЛОВО

В онный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъярёмный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что оссиянно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

- Библейская образность: Иисус Навин, докорявший Палестину, остано-
вил солнце, чтобы закончить битву.
- Разрушены Содом и Гоморра и Иерихон по сло-
ву Божию.
 - Начало Евангелия от Иоанна: Вначале было
Слово, и Слово было у Бога, и Слово было
Бог.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. М.С.Горбачев. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. - В кн.: Материалы XXVII съезда КПСС, М., 1986, с.91.
2. Программа КПСС. - В кн.: Материалы XXVII съезда КПСС, М., 1986, с.169.
3. В.Сикорский. Три стихотворения. - В журнале "Новый мир", 1988, № 12.
4. В.Костиков. О "феномене Лоханкина" и русской интеллигенции. - В журнале "Огонек", 1988, № 49.
5. Г.А.Ягодин. Через гуманизацию и демократизацию - к новому качеству образования. Доклад на Всесоюзном съезде работников народного образования. "Известия", 1988 от 21.12.1988.
6. П.Я.Чаадаев. Философические письма. - В кн.: Литературное наследство, тт. 22-24, М., 1935, с.21.
7. О.Э.Мандельштам. Слово и культура. М., 1987, с.211.
8. А.А.Вознесенский. Дубовый лист виолончельный. М., 1975, с.214.
9. В.Г.Короленко. Письма к А.В.Луначарскому. - В журнале "Новый мир", 1988, № 10.
10. Цитируется по журналу "Новый мир", 1988, № 10, с.267-268.
11. В.И.Ленин. Задачи союзов молодежи. Соч., т.41, с.318.
12. В.Тендряков, На блаженном острове коммунизма. - В журнале "Новый мир", № 9.
13. А.С.Пушкин. Соч., т.1, с.289.
14. А.В.Луначарский. Основы позитивной эстетики. Другие работы. Цитируются по статье А.Гангнуса "На руинах позитивной эстетики". - В журнале "Новый мир", 1988, № 9.
15. А.М.Горький. Собр. соч. в 30 томах, т.22, стр.503.
16. Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. - В кн.: Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, М., 1988, с.113.
17. Там же, с.27.
18. Г.А.Ягодин. Выступление на XIX Всесоюзной конференции КПСС. "Известия" от 1.07.1988.
19. В.В.Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Л., 1968, с.51.
20. Ф.Ницше. Рождение трагедии из духа музыки. Полн. собр. соч. М., 1912, т.1, с.118.
21. В.Г.Белинский. Литературные мечтания. Полн. собр. соч. М., 1953, с.32. т.1.
22. Ф.Энгельс. Письмо к В.Боргиусу. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., изд. 2, т.39, с.175.
23. Ф.М.Достоевский. Дневник писателя.
24. См. № 5.